

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ

РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР

XII

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Ленинградское отделение
ЛЕНИНГРАД 1971

С. Г. ЛАЗУТИН

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СТИХОТВОРНОЙ ФОРМЫ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ

Собиратели и исследователи фольклора уже давно обратили внимание на «складность» русских пословиц. Специально рассмотрению стихотворной формы пословиц и близких к ним жанров посвящена брошюра И. И. Вознесенского «О складе или ритме и метре кратких изречений русского народа: пословиц, поговорок, загадок, присказок и др.» (Кострома, 1908), которая не утратила своего значения и до нашего времени.

Вместе с тем следует признать, что в дореволюционной фольклористике и советской науке первых двух десятилетий вопросы стихотворной организации русских пословиц не стали объектом всестороннего рассмотрения. Ю. М. Соколов в связи с этим в середине 30-х годов совершенно справедливо писал: «Если пословица до сих пор еще совершенно недостаточно изучена в социально-историческом плане, то русская фольклористика не может похвастаться также и сколько-нибудь подробным изучением художественной стороны ее. Исследователи обычно подчеркивают, что „пословица большею частью является в мерном или складном виде“ или что „форма пословицы — более или менее краткое изречение, часто выраженное складной речью, нередко метафорическим (поэтическим) языком“, но по вопросу, в чем точно заключается „склад и мера“, обстоятельных исследований до сих пор не имеется».¹

Многие вопросы стихотворной формы русских пословиц не получили глубокого изучения и до сих пор. Специально этой теме посвящена лишь небольшая статья М. П. Штокмара, опубликованная в 1965 г. в журнале «Звезда Востока».² Статья известного специалиста по народному стихосложению представляет большой научный интерес. Однако в ней не все вопросы рассмотрены с одинаковой полнотой. Наиболее обстоятельно исследована пословичная рифма. Некоторые же утверждения автора представляются спорными.

Предлагаемая нами статья, конечно, ни в коей мере не претендует на исчерпывающее освещение избранной темы. В ней автор, стремясь дать некоторую общую характеристику особенностей стихотворной формы пословиц, преимущественно останавливается на менее изученных вопросах, высказывает свои суждения по ряду спорных положений.

Одним из наименее изученных, на наш взгляд, является вопрос о причинах использования пословицами приемов стихотворной речи.

Все, в той или иной мере касающиеся пословиц, непременно отмечают, что речь пословиц «складная», что они довольно широко пользуются прие-

¹ Ю. М. Соколов. Русский фольклор. М., 1941, стр. 212.

² М. П. Штокмар. Стихотворная форма русских пословиц, поговорок, загадок, прибауток. Звезда Востока, 1965, № 11, стр. 149—163.

мами стихотворной речи. Однако причины этого явления в должной мере не раскрыты. В самом деле, почему пословицы тяготеют к складности, почему многие из них стремятся обрести признаки стихотворной речи?

М. А. Рыбникова, отвечая на этот вопрос, пишет: «Нескладное, как бы оно ни было умно, не удержится в устной речи, забудется. Сложенное крепко, сказанное метко — живет века».³ В этом, конечно, есть доля истины. Но ведь запоминаются же многие пословицы, да и произведения ряда других жанров фольклора, и не обнаруживающие признаков стихотворной речи.

На наш взгляд, складность пословиц, их тяготение к стихотворной речи обусловлены не столько заботой об их запоминаемости, сколько особенностями поэтического рода, к которому они принадлежат, спецификой их назначения и конкретного содержания.

Как известно, эпический и лирический роды поэзии, кроме всего прочего, очень отличны друг от друга по своему назначению. Если главная цель эпоса — отражение определенных событий, тех или иных жизненных явлений, то основная цель лирики — выражение отношения к этим событиям, передача определенных мыслей, чувств и настроений.

Мы не можем согласиться с теми, кто без всяких на то оснований относит пословицы к эпическому роду поэзии. По нашему глубокому убеждению, пословицы относятся не к эпическому, а к лирическому роду поэзии. Их главное назначение не в том, чтобы изображать те или иные жизненные явления, а в том, чтобы выражать к этим явлениям определенное отношение. Пословицы — это энциклопедия мыслей, чувств и переживаний народных, это непосредственная лирическая реакция народа на определенные жизненные факты.

«При таком понятии о пословице, — писал В. И. Даль, — мы должны согласиться, что она не сочиняется, а вынуждается силою обстоятельств, как крик или возглас, невольно сорвавшийся с души; это целые изречения, сбитые в один ком, в одно междометье. Сборник же пословиц — свод народной опытной премудрости и суетумудрия; это стоны и вздохи, плач и рыдания, радость и веселие, горе и утешение в лицах; это цвет народного ума, самобытной стати; это житейская народная правда, своего рода сборник, никем не судимый».⁴

Как лирику трактует пословицы и М. А. Шолохов. По его справедливому утверждению, в них народное мировоззрение, всевозможные мысли и чувства отразились необычайно сильно, во всей их исторически обусловленной сложности и противоречивости. Называя пословицы «сгустками разума и знания», Шолохов пишет: «Из бездны времен дошли до нас в этих сгустках разума и знания жизни радость и страдания людские, смех и слезы, любовь и гнев, вера и безверие, правда и кривда, честность и обман, трудолюбие и лень, красота истин и уродство предрассудков».⁵

Принадлежностью пословиц к лирическому роду поэзии объясняются многие особенности их содержания и художественной формы.

Формальным признаком лирических произведений является их краткость. Если эпос аналитически отражает действительность и чем многостороннее показано то или иное явление, тем эпическое произведение глубже, то лирика главным образом синтезирует, выражает языком образов определенные выводы и обобщения. И эти качества лирики — синте-

³ М. А. Рыбникова. Русские пословицы и поговорки. М., 1961, стр. 14.

⁴ В. И. Даль. Пословицы русского народа. М., 1957, стр. 18—19.

⁵ М. Шолохов. Сокровищница народной мудрости. В кн.: В. И. Даль. Пословицы русского народа, стр. III.

тичность, краткость, стремление к афористичности — выражены в пословицах чрезвычайно отчетливо.

Пословицы — один из жанров народной лирики. И поэтому не случайно, что А. М. Горький, говоря о специфике содержания и формы пословиц, в какой-то мере приравнивает их не к былинам и сказкам, а к лирическим песням. «В простоте слова — самая великая мудрость, — писал А. М. Горький. — Пословицы и песни всегда кратки, а ума и чувства вложено в них на целые книги».⁶

Именно принадлежностью пословиц к лирическому роду поэзии объясняется их тяга к стихотворности, к использованию ими различных приемов стихотворной речи. Известны случаи создания лирических произведений и в прозе. Однако, как правило, лирические произведения имеют стихотворную форму. Справедливости ради следует сказать, что далеко не все пословицы отмечены печатью стихотворства. Однако большинство их в той или иной степени обнаруживает несомненные признаки стихотворной речи. В данной статье нас как раз будут интересовать именно эти пословицы.

В чем же конкретно выражаются и как обнаруживаются различные признаки стихотворной речи в пословицах? Какова специфика этого пословичного стихотворства?

Признаки стихотворной речи обнаруживаются прежде всего в интонации пословиц.

Л. И. Тимофеев, характеризуя интонацию стихотворной речи, отмечает, что она имеет не только логический, но и эмоционально-экспрессивный характер. Темп стихотворной, эмоционально окрашенной речи, как правило, несколько медленнее темпа прозаической речи. В стихотворной речи много всевозможных пауз. Интонационно-смысловая самостоятельность частей предложения и даже отдельных слов при этом значительно повышается.⁷

Все эти признаки в той или иной мере можно обнаружить и в значительной части пословиц. Пословицы, как правило, из речевого потока выделяются паузами, произносятся значительно медленнее, чем остальная речь. Известную смысловую и интонационную самостоятельность в пословицах приобретают не только их части, но даже отдельные слова, которые по своей смысловой выразительности нередко приближаются к фразе. Вот примеры таких пословиц:⁸ «Нанялся — проданся» (Ан., стр. 142); «Стерпится — слюбится» (Д., стр. 131); «Сказано — сделано» (Р., стр. 127); «Было и сплыло» (Р., стр. 142).

Как известно, стихотворная, эмоционально окрашенная речь изобилует повторениями. Всевозможные повторения мы находим и в пословицах. Это относится прежде всего к их синтаксису. В синтаксическом отношении пословицы, как правило, делятся на части, которые представляют собой интонационно повторяющиеся, относительно замкнутые компоненты связной речи, т. е. синтагмы.

⁶ М. Горький. Материалы и исследования, т. 1. Л., 1934, стр. 111.

⁷ Л. И. Тимофеев. Очерки теории и истории русского стиха. М., 1958, стр. 20—36.

⁸ Далее при указании сборников приняты следующие сокращения: Ан. — В. П. Аникин. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М., 1957.

Д. — В. И. Даль. Пословицы русского народа. М., 1957.

Р. — М. А. Рыбникова. Русские пословицы и поговорки. М., 1961.

Как уже не раз отмечалось в нашей литературе, большинство пословицных предложений состоит из двух синтагм.⁹ Однако исчерпывающего объяснения этот факт не получил. Считаем необходимым на этом вопросе остановиться более подробно.

Как мы уже говорили, главное назначение пословиц — выражать мировоззрение народа, давать народную оценку объективных явлений действительности. И надо сказать, с этой задачей пословицы справляются весьма успешно. Их тематика поистине безгранична. Они охватывают решительно все стороны жизни, отражают самые различные взаимосвязи и отношения между самыми разными явлениями действительности. Так, к примеру, они выражают отношения пространственные, временные, причинно-следственные («Где дым, там и огонь» — Д., стр. 181). В пословицах отражена диалектическая взаимосвязь формы и содержания («Молодец красив, да на душу крив» — Д., стр. 693); в них говорится о взаимосвязи начала и конца («Где не было начала, не будет и конца» — Д., стр. 495), о старом и новом, об отживающем и развивающемся («Старое стареется, а молодое растет» — Д., стр. 295), и т. д.

Как известно, в пословицах глубоко раскрываются взаимоотношения в семье, взаимосвязи между человеком и обществом, между отдельными сословиями и классами. Вот лишь некоторые примеры таких пословиц: «Свекор — гроза, а свекровь выест глаза» (Д., стр. 391); «Муж жену любит здоровую, а брат — сестру богатую» (Д., стр. 394); «Брат-брат, сват-сват, а денежки не родня» (Д., стр. 394); «Богатый бедному не брат» (Д., стр. 81); «Спина-то наша, а воля-то ваша» (Д., стр. 218); «Возьмешь лычко, а отдашь ремешок» (Д., стр. 536).

Итак, в пословицах выражены самые разнообразные взаимосвязи жизненных явлений. При этом следует подчеркнуть, что все эти взаимоотношения и взаимосвязи между явлениями, имеющие нередко глубокий философский смысл, пословицы стремятся выразить наиболее наглядно, как отношения между двумя конкретными предметами или явлениями. В большинстве пословиц совершенно отчетливо выступают два объекта суждения. Именно поэтому, на наш взгляд, двучленная форма в пословицах является самой естественной и самой употребительной.

Однако двучленная форма пословиц обусловлена не только особенностями, так сказать, их двухъобъектного содержания, но и спецификой художественной формы.

Стремясь к наиболее яркой выразительности, пословицы довольно часто прибегают к сопоставлению двух предметов или явлений (параллелизм, сравнение, отождествление, противопоставление), что также требует двучленной формы выражения. Приведу для пояснения лишь несколько примеров. Параллелизмы: «После грозы ведро, после горя радость» (Д., стр. 149); «Без топора не плотник, без иглы не портной» (Д., стр. 520). Сравнения: «Красна девка в хороводе, что маков цвет в огороде» (Д., стр. 746); «Наше счастье — вода в бредне» (Д., стр. 59). Тавтологии или синонимы: «Истина хороша, да и правда не худа» (Д., стр. 464); «Ваня за дудку, Спирия за гудок» (Д., стр. 179); «В одном кармане пусто, в другом нет ничего» (Д., стр. 91). Антитезы: «Сеяли рожь, а косили лебеду» (Д., стр. 157); «Ваши играют, а наши рыдают» (Д., стр. 63); «Богатый и в будни пирует, бедный и в праздник горюет» (Д., стр. 97).

И наконец, следует отметить (а это для нашей темы особенно важно), что двучленность пословиц обусловлена также их стремлением к опреде-

⁹ См. об этом: И. А. Филипповская. О синтаксическом строе русских пословиц. Автореферат диссертации, представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Казань, 1955, стр. 5.

ленной интонационно-ритмической организации речи. Еще И. И. Вознесенский обратил внимание на то, что пословицы паузами довольно отчетливо делятся, как правило, на две части.¹⁰ Как показывают наблюдения, обе части пословицы, отделенные друг от друга паузой, нередко произносятся с аналогичной или близкой интонацией. И вот эта интонационная повторяемость частей в двучленных пословицах создает, конечно, определенную ритмичность. Например: «День государев, а ночь наша» (Д., стр. 251); «В суд пойдешь — правды не найдешь» (Д., стр. 173); «На бога надейся, а сам не плошай» (Д., стр. 475).

Само собою разумеется, что эта ритмичность еще более повышается в многочленных пословицах, т. е. в пословицах, состоящих из трех, четырех и более частей. Вот примеры таких пословиц. Трехчленная: «Земля любит навоз, лошадь — овес, а воевода — принос» (Д., стр. 174). Четырехчленная: «Свекор драчлив, свекровь ворчлива, деверья журливы, невестки мутливы» (Д., стр. 392). Правда, не часто, но все же можно встретить пословицы пятичленные: «В земле черви, в воде черти, в лесу сучки, в суде крючки, — куда уйти?» (Д., стр. 148), а также шестичленные: «Дьячок не служит, все по девушке тужит; пономарь не звонит, на нее глядит; поп не венчает, за сына чает» (Д., стр. 748).

Многие двучленные и многочленные пословицы суть не что иное, как стихи-фразовики. Для наглядности разобьем приводимые ниже пословицы на стихотворные строчки.

Когда деньги говорят,
Тогда и правда молчит.
(Д., стр. 83)

Козла спереди бойся,
Коня — сзади,
А злого человека со всех сторон.
(Д., стр. 148)

Портной без кафтана,
Сапожник без сапог,
А плотник без дверей.
(Д., стр. 522)

«В основе строения фразовика, — пишет А. П. Квятковский, — лежит свободное членение поэтической речи на стиховые строки, где граница интонационной волны, отмечаемая концевой конструктивной паузой, является определяющим признаком членения».¹¹

Фразовик со смежными рифмами называется раешным стихом или раешником. В пословицах чаще всего встречается именно раешник. Приведу лишь некоторые примеры раешника:

Житье нам, житье:
Как подумаешь, так и за вытье.
(Д., стр. 106)

На мужике кафтан хоть сер,
Да ум у него не черт съел.
(Д., стр. 717)

Когда нечем заплатить долгу,
Ехать будем на Волгу.
(Д., стр. 536)

¹⁰ И. И. Вознесенский. О складе или ритме и метре кратких изречений русского народа: пословиц, загадок, присказок и др. Кострома, 1908, стр. 5.

¹¹ А. Квятковский. Поэтический словарь. М., 1966, стр. 323.

В раешном стихе ритмичность достигается тем, что в нем речь паузами и рифмами делится на стиховые строки, являющиеся аналогичными в интонационном отношении. Однако отдельные члены пословицы могут быть аналогичными не только по их интонации, но и по характеру имеющихся в них ударений. Ритмичность в таком случае достигается не только повторением аналогичных интонаций, но и одинаковым количеством ударений. Следовательно, перед нами типично тонический стих.

К сожалению, фольклористы не только основательно не исследовали, но даже не отмечали наличие в пословицах фразовиков и раешников. В ряде работ ничего не говорится и о пословичном тоническом стихе, тогда как наблюдения показывают, что большинство пословиц имеет именно тонический стих. Чаще всего встречаются пословицы, состоящие из одноударных тонических стихов. Каждый член этих пословиц имеет лишь одно ударение. Одноударные стихи мы встречаем в пословицах двучленных: «Кто в море не бывал, тот и горя не видал» (Д., стр. 151); в трехчленных: «Мы и там служить будем на бар: они будут в котле кипеть, а мы станем дрова подкладывать» (Д., стр. 714); в четырехчленных: «Один женился — свет увидал, другой женился — с головой пропал» (Д., стр. 367); в пятичленных: «В земле черви, в воде черти, в лесу сучки, в суде крючки, — куда уйти?» (Д., стр. 148); в шестичленных: «Дерет коза лозу, а волк козу, а мужик волка, а поп мужика, а попа приказный, а приказного черт» (Д., стр. 709).

Одноударный тонический стих наиболее употребительный, но не единственный в пословицах. Нередко встречаются случаи, когда члены пословиц имеют не одно ударение, а два, например: «Горе в лохмотьях, беда нагишом» (Д., стр. 143); «Горе — что море: не переплыть, не вылакать» (Д., стр. 147); «Судья — что плотник: что захочет, то и вырубит» (Д., стр. 172). Ударений может быть и три: «Лошадь с волком тяглась — хвост да грива остались» (Д., стр. 173); «Красны боярские палаты, а у мужиков избы на боку» (Д., стр. 714); «Лихо жить в нуже, а в горе и того хуже» (Д., стр. 140); и четыре: «Не кидается девица на цветное платье, а кидается девица на ясного сокола» (Д., стр. 700), и более.

В тонических пословицах наблюдается тенденция к уравниванию количества времени, необходимого на произнесение их отдельных частей. В связи с этим хочется обратить внимание на следующее явление. В двучленных пословицах мы иногда наблюдаем выпадение из второй части подлежащего, сказуемого или других членов предложения, легко подразумеваемых из контекста речи. И весьма показательно, что в таких случаях утраченное слово, а вместе с ним и ударение компенсируются дополнительной паузой. Например: «Моль одежду ест, а печаль — (пауза) сердце» (Д., стр. 141); «Злой плачет от зависти, добрый — (пауза) от радости» (Д., стр. 140); «Видна печаль по ясным очам, кручина — (пауза) по белу лицу» (Д., стр. 141).

В литературе справедливо отмечалось, что в большинстве двучленных и многочленных пословиц ударения стоят на словах, находящихся в конце их частей. После этих слов идут более или менее значительные паузы, которые еще более подчеркивают членение пословицы на части и таким образом усиливают ее ритмичность.

Однако следует отметить, что можно встретиться и с другим расположением ударений в пословицах, с иным их ритмическим рисунком. Нередко, например, в двучленных пословицах ударения падают на первое слово первой части и последнее слово второй части. И в таком случае мы имеем своеобразное «ритмическое кольцо». Например: «Красна ягодка, да на вкус горька» (Д., стр. 697); «Беда и богатого мужика бездомит»

(Д., стр. 147). Такое расположение ударений придает пословице четкую ритмическую законченность и интонационно подчеркнуто выделяет ее из речевого потока.

Иногда по принципу «ритмического кольца» строится не вся пословица, а лишь отдельные части ее. И в таком случае довольно сильно подчеркивается деление пословицы на составляющие ее части. Например: «Зять любит взять, тёсть любит чéсть, а шурин глаза щурит» (Д., стр. 396). Все три части приведенной пословицы по расположению в них ударений являются симметричными: во всех частях ударения падают на первое и последнее слова.

Надо сказать, что симметричное расположение ударений в отдельных частях пословиц — явление не редкое. И в данном случае, на наш взгляд, можно говорить об особом пословичном симметричном стихе. Вот лишь некоторые примеры такого симметричного стиха:

Нё бۇдь склáдён, дá бۇдь лáдён.
(~ // ~ + ~ // ~)

(Д., стр. 699)

Й нё лáднó, дá ўгóднó.
(~ ~ / ~ + ~ ~ / ~)

(Д., стр. 700)

Бóрбáкá Мíйнíя, á сóвёсть глíйнíя.
(~ / ~ / ~ ~ + ~ / ~ / ~ ~)

(Д., стр. 698)

Сóкбá хóть нá кóл, дá гóл, чтó мóсбá.
(~ / ~ ~ / + ~ / ~ ~ /)

(Д., стр. 412)

Гóлбóйсíя птáшкá, дá чёрнá рўбáшкá.
(~ ~ / ~ / ~ + ~ ~ / ~ / ~)

(Д., стр. 700)

Выше мы привели примеры симметричного стиха в двучленных пословицах. Но его можно обнаружить и в многочленных пословицах. Вот пример симметричной четырехчленной пословицы:

В дéвкáх сíжёнó — гóрё мýкáнó; зáмўж вýдáнó — вáдбóе прýбýлó.
(/ ~ / ~ ~ + / ~ / ~ ~ + / ~ / ~ ~ + / ~ / ~ ~),

(Ав., стр. 149)

Обнаруженный нами в пословицах своеобразный стих, который мы пока условно назвали симметричным стихом, расширяет наши представления о многообразии стихотворных видов и форм в пословицах.

Силлабо-тонический стих в пословицах, на наш взгляд, можно считать разновидностью или дальнейшим развитием так называемого симметричного стиха. Если в симметричном стихе по расположению ударных и безударных соизмеримы (повторяются) отдельные члены пословиц, то в силлабо-тоническом стихе на основе этих признаков соизмеримы и отдельные части этих членов, т. е. в членах пословицы повторяются определенные стопы. Поэтому неудивительно, что в пословицах можно встретить хорей: «Много шуму — мало толку» (Д., стр. 517), «Тише едешь — дальше будешь» (Д., стр. 284); ямб: «Горячее едят подъячие, голодные едят холодное» (Д., стр. 709), «Мели, Емеля, твоя неделя» (Д. стр. 613);

дактиль: «Жгуча крапива родится, да в шах пригодится» (Ан., стр. 152); амфибрахий: «У горькой беды нет сладкой еды» (Д., стр. 141); анапест: «Без коня не казак» (Д., стр. 711).¹²

Выдержанные силлабо-тонические размеры в пословицах встречаются не часто, но для нас важно подчеркнуть, что они все же в них встречаются и являются для пословиц совершенно закономерными, органически входят в их метрическую структуру.

Правда, в пословицах мы часто обнаруживаем самые различные отклонения от схемы ударных и безударных того или иного силлабо-тонического размера. Так, например, в пословице «Мужик пляшет, шапкой машет, приседает — меру знает; солдат выпьет на отвагу — скачет, пляшет до упаду» (Д., стр. 713) следующие отклонения от хореического размера: недостает ударений на 1-м, 9-м, 17-м, 21-м и 29-м слогах и, наоборот, лишние ударения на 2-м и 18-м слогах. Но подобные отклонения мы находим почти во всех и литературных силлабо-тонических стихах.

Своеобразие стихотворной формы пословиц не в отклонении от схем силлабо-тонических размеров, а в специфическом применении этих размеров. Во-первых, пословица вполне мирится с тем, что по определенной силлабо-тонической схеме будут построены ее части не полностью, а только некоторые их слова. Так, в пословице «Кто лѣнив с сѡхѡй, Тому вѣсь гѡд плѡхѡй» (Д., стр. 525) из метрической схемы ямба выпадают первые слова обеих частей — «кто» и «тому». А в пословице «Ловцы рѣбнѣе — люди гѣблѣе» (Д., стр. 524) строго выдерживают дактиль только последние слова рифмующихся частей: «рыбные» и «гиблые».

Такие ритмические «комплексы» вполне отвечают эстетике пословицы, которая употребляется в живой разговорной прозаической речи. Для пословицы бывает вполне достаточно, чтобы соблюдался единый размер в конечных рифмующихся словах ее частей. Например: «Служат сѡборнѡ, а едят пѡдвѡрнѡ» (Д., стр. 707).

Во-вторых, отдельные части пословицы могут иметь свою особую ритмическую организацию, использовать тот или иной силлабо-тонический размер. Так, например, в пословице «Часѡм с квасѡм, а пѡрѡбѡ с вѡдѡй» (Д., стр. 74) первая часть имеет хореический размер, а вторая — анапестический.

В-третьих, пословица наряду с частями силлабо-тонического размера может иметь и части так называемого симметричного стиха. Например, в пословице «С мужем — нужна; без мужа — и того хуже; а вдовой да сиротой — хоть волком вой» (Д., стр. 369) в первой части хорей, вторая и третья друг другу симметричны, а в четвертой ямб.

В. И. Даль тонко почувствовал, что «складность» пословиц достигается самыми разнообразными путями. «Возьмем два-три примера, — писал Даль. — „Бог не поберег вдоль и поперек“; по три коротких между двух долгих, а размер хорош».¹³ Здесь пример симметричного пословичного стиха (/ ∪ ∪ ∪ / + / ∪ ∪ ∪ /). «„Рано встала, да мало напряла“; по долгому с коротким на концах, а две средние стопы — долгий с двумя короткими».¹⁴ Ритмическое своеобразие этой пословицы в том, что здесь две дактилические стопы как бы зажаты в кольцо двумя (начальной и конечной) хореическими стопами.

Как показывают наблюдения, в подлинно художественных пословицах различные отклонения от определенного стихотворного размера мо-

¹² См. примеры силлабо-тонического стиха в статье: М. П. Штокмар. Стихотворная форма русских пословиц, поговорок, загадок, прибауток, стр. 155—157.

¹³ В. И. Даль. Пословицы русского народа, стр. 24.

¹⁴ Там же.

тивированы соображениями содержания, продиктованы стремлением к наибольшей выразительности. Возьмем к примеру пословицу:

Драгун бежит, (~/~/)
 Земля дрожит, (~/~/)
 А оглянешься — (~/~/~)
 В грязи лежит. (~/~/)

Изменение размера в третьей части пословицы (замена ямба так называемым двойным амфибрахием) глубоко мотивировано: выбиваясь из общего ритма, третья часть задерживает на себе внимание и переводит пословицу из одного содержания в другое.

Ритмом подчеркнута контрастность содержания двух частей в пословице «Брат братом, сват сватом, а денежки не родня» (Д., стр. 527). Первой и второй частям, говорящим о ладе в отношениях и построенным складно, как две симметричные части (// ~ + // ~), противопоставляется и по своему содержанию и по прозаическому ритму (~/ ~ ~ ~ ~) третья часть.

Большую ритмико-смысловую роль в пословицах играет рифма. Как мы уже отмечали, пословичная рифма обстоятельно рассмотрена в упомянутой выше работе М. П. Штокмара.¹⁵ И мы хотели бы остановиться лишь на вопросе ее преднамеренности. Известно, что в ряде традиционных жанров русского фольклора (например, в былинах и песнях) рифма чаще всего бывает непреднамеренной, обусловленной особенностями синтаксиса. Что же в этом отношении представляют собой пословичные рифмы?

Как показывают наблюдения, рифмы в пословицах являются не случайными, а совершенно преднамеренными, специально созданными. «В свое время Ф. Буслаев справедливо заметил, что „пословица создавалась взаимными силами звуков и мысли“, — пишет В. П. Аникин.¹⁶

Это мнение Буслаева подтверждается тем, что рифмы в пословицах обычно падают на наиболее значительные слова. Например: «Жить было тихо, да от людей лихо» (Д., стр. 147); «Стой, не шатайся; ходи, не спытайся; говори, не заикайся; ври, не завирайся» (Д., стр. 710).

Положение, что пословицы создаются «взаимными силами звуков и мысли», особенно ярко можно проиллюстрировать сопоставлением их отдельных вариантов. Возьмем, к примеру, пословицу «Метил в цель, а попал в пень» (Д., стр. 68). Здесь слово «пень» рифмуется со словом «цель». Позднее слово «пень» было заменено словом «окошко». В связи с этим пришлось заменить и слово «цель», так как оно не рифмовалось с новым словом. И получился такой вариант пословицы: «Метил в лукошко, а попал в окошко» (Д., стр. 68). Но варьирование пословицы, а вместе с тем и изменение ее рифм идет и дальше. На этой же странице в сборнике Даля мы находим пословицы: «Метил в ворону, а попал в корову»; «Стрелял в сына, а попал в усача»; «Стрелял в воробья, а попал в журавля».

С особой наглядностью преднамеренность рифмовки определенных слов видна в пословицах, включавших в себя имена собственные. Все эти пословицы убеждают нас в том, что то или иное имя вводится в них в зависимости от конкретного содержания пословицы, в прямой обусловленности тем, с каким словом это имя должно рифмоваться. Приведем для пояснения мысли несколько примеров: «В людях Илья, а дома

¹⁵ М. П. Штокмар. Стихотворная форма..., стр. 157—164.

¹⁶ В. П. Аникин. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор, стр. 41.

свинья», «В людях Ананья, дома каналья» (Д., стр. 591); «Пришли на Настю беды да напасти» (Д., стр. 147); «У всякого Федорки свои отговорки» (Д., стр. 183); «Наш Филат не бывает виноват» (там же); «Дружка на дружку, а все на Петрушку» (там же); «Каков Пахом, такова и шапка на нем» (Д., стр. 232); «Каков Мартын, таков у него и алтын» (там же); «По Ивашке рубашка» (там же).

О преднамеренной рифмовке свидетельствуют также внутренние рифмы, которые иногда встречаются в пословицах. Например: «Есть рожь в амбаре — есть грош в кармане» (Р., стр. 146); «Сало было, стало мыло» (Д., стр. 134); «Житье, житье: наготье да босотье» (Д., стр. 88); «Распой не поп, а поповичи распоповичи» (Д., стр. 707).

Рифмы в пословицах выполняют важную функцию. Они подчеркивают, усиливают ритмичность пословиц, выделяют наиболее значительные в смысловом отношении слова. Например: «Солдат-горемыка хуже лапотного лыка» (Д., стр. 711). О солдате же: «Сыт крупницей, пьян водницей» (Д., стр. 712); «Морских топит море, а сухопутных крушит горе» (Д., стр. 713).

Однако особенно ощутима ритмообразующая роль рифм не в двучленных, а в многочленных пословицах. Например: «Хоромы кривые, сени лубяные, слуги босые, собаки борзые» (Д., стр. 716).

Говоря о ритмообразующей роли рифм, следует подчеркнуть, что эту роль они выполняют во взаимодействии с другими ранее рассмотренными нами средствами стихотворной речи. Приведем такую пословицу: «Часом с квасом, а порою с водою» (Д., стр. 74). Разделение этой пословицы на две части достигнуто тем, что в каждой из них своя рифма и особые размеры: в первой — хорей, а во второй — анапест.

Возьмем пословицу более сложную:

Лихо не лежит тихо:
Либо катится, либо валится,
Либо по плечам рассыпается.

(Д., стр. 149)

В каждом из членов этой пословицы своя ритмическая организация, свое взаимодействие рифмы с другими приемами стихотворной речи. Первый член пословицы замкнут кольцом хореической рифмы (лихо — тихо). «Складность» второго члена достигается полнейшей музыкально-ритмической аналогией его частей (симметричный стих схемы $\cup\cup/\cup\cup$, дактилическая рифма). Третий член произносится значительно медленнее двух первых, является в пословице своеобразным приемом, мелодически объединяет все ее члены в единое целое.

Итак, совершенно несомненно, что при создании пословиц придается большое значение и их звуковой организации. В подавляющем большинстве случаев рифмы в пословицах являются совершенно преднамеренными и вместе с другими средствами стихотворной речи выполняют важные идейно-выразительные художественные функции.

Вместе с тем не следует и преувеличивать «звуковую инструментовку» пословиц. Не следует в любом случайном совпадении звуков видеть преднамеренный прием «звуковой инструментовки». И в этой связи нам представляются большой натяжкой примеры на сознательную звукозапись в пословицах, приведенные Ю. М. Соколовым («Все на свете крыто корытом», «Холоп на боярина не послуш», «Горе только одного рака красит», «Был бы бык, а мясо будет») ¹⁷ и М. П. Штокмаром («Садила баба

¹⁷ Ю. М. Соколов. Русский фольклор. М., 1941, стр. 215.

бобы, а уродила клопы», «Замужем жена всегда госпожа», «Не годы, а горе старит»¹⁸). В приведенных ими пословицах некоторые гласные и согласные повторяются совершенно случайно и не выполняют никаких определенных, преднамеренных идейно-художественных функций.

Для раскрытия особенностей стихотворной формы пословиц большое значение имеет решение вопроса о генетических истоках некоторых из них, об их связях с другими жанрами фольклора. В литературе по этому вопросу существуют противоположные мнения. Так, А. П. Квятковский считает, что пословицы самым непосредственным образом генетически связаны с традиционными стихотворно-песенными жанрами фольклора, возникли в результате трансформации (распада на отдельные строко-стихи) старых произведений. Перечислив признаки стихотворной речи в пословицах, А. П. Квятковский пишет: «Эти признаки поэтического стиля позволяют думать, что пословица является фрагментом, стихом, строкой из забытого произведения и удержалась она в народной памяти благодаря острой мысли, выраженной в особо удачной лаконичной форме»¹⁹.

Наоборот, М. П. Штокмар заявляет, что ни одна пословица своими истоками не восходит к традиционным песням. А то, что вышло из песен, — то не пословицы.²⁰

Мнения А. П. Квятковского и М. П. Штокмара являются не отвечающими действительности крайностями. Несомненно, некоторые пословицы своими генетическими истоками восходят к традиционным песням. В качестве примера можно привести ряд пословиц на тему замужества: «Цвели цветики, да поблекли; любил молодец красну девицу, да покинул» (Д., стр. 744); «Не заламывай рябинку не вызревшу, не сватай (не бери) девку не взнавши» (Д., стр. 757); «Не на ту пору мать родила, не собрав разума, в люди пустила» (Д., стр. 61); «Не ровно замуж выйдется, не ровен черт навяжется» (Д., стр. 65); «В добром житие сами кудри вьются, в худом — секутся» (Д., стр. 102); «Носи платье, не складывай; терпи горе, не сказывай» (Д., стр. 142). Однако полагать, что почти все или очень многие пословицы возникли в результате забвения каких-то, теперь неизвестных песен, нет никаких оснований. Во всяком случае ясно одно, что вопрос о связи пословиц с традиционными, в том числе и песенными, жанрами фольклора нуждается в специальном всестороннем исследовании.

Пословицы употребляются в живой разговорной прозаической речи. Многие из них представляют собой образцы именно разговорной прозы. Что же касается стихотворных пословиц, то и они несут на себе печать прозаического контекста, в котором они употребляются. В пословицах мы находим все элементы стихотворной речи. Но их стихотворность как бы размывается под влиянием прозаического контекста. Поэтому одни пословицы имеют все признаки стихотворной речи, другие — только некоторые из этих признаков: соблюдается, например, размер, но нет в пословице рифмы и наоборот; один член пословицы может быть организован стихотворно, а другой — прозаически. Все это создает условия, при которых пословицы совершенно органически используются в разговорной речи: и выделяются из нее, и в то же время не выглядят в ней каким-то инородным телом.

¹⁸ М. П. Штокмар. Стихотворная форма..., стр. 161—162.

¹⁹ А. Квятковский. Поэтический словарь. М., 1966, стр. 220.

²⁰ М. П. Штокмар. Стихотворная форма..., стр. 151.

Представляется, что живая прозаическая речь была и основным очагом исторического возникновения пословиц.

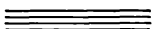
Л. И. Тимофеев считает, что рифме принадлежит первостепенное место в первичной стихотворно-ритмической организации прозы. «На первых порах развития речевого стиха, когда он почти не отделялся еще от первичного фразового ритма и в силу этого ритм осуществляется чередованием законченных синтаксических речевых отрезков, почти лишенных соизмеримости (и по числу слогов и по расстановке ударений), — пишет исследователь, — рифма имеет особое значение, ибо она резко подчеркивает этот ритм и тем самым усиливает его».²¹

«Очевидно, пословицы были первым из народно-поэтических жанров, где зародилась рифмовка», — пишет М. П. Штокмар.²² Это предположение известного специалиста по русскому стихосложению представляется очень резонным.

Затем опыт рифмовки и вообще организации стиха, по мнению М. П. Штокмара, от пословиц перенимает более молодой фольклорный жанр — прибаутка. В качестве примера исследователь приводит прибаутку из сборника пословиц Даля: «У нашего соседа — веселая беседа: гуси в гусли, утки в дудки, овцы в донцы, тараканы в барабаны» (Д., стр. 785). Приведем еще одну известную прибаутку: «Сбил, сколотил — вот колесо; сел да поехал — ах, хорошо! Оглянулся назад — одни спицы лежат» (Д., стр. 24).

Генетически и терминологически с прибауткой в известной мере связан жанр частушки.²³ Однако связь пословиц с частушками, в том числе и по линии стихотворной формы, была не только опосредствованной (через прибаутки), но и прямой, непосредственной.²⁴

Работа по изучению стихотворной формы пословиц должна быть продолжена. Обстоятельное и всестороннее исследование этого вопроса необходимо для определения основных черт стихотворной речи как пословиц, так и многих других жанров русского фольклора.

²¹ Л. И. Тимофеев. Очерки теории и истории русского стиха, стр. 185.

²² М. П. Штокмар. Стихотворная форма..., стр. 163.

²³ См. об этом: С. Г. Лазутин. Воронежские частушки (к истории жанра). Известия Воронежского гос. педагогического института, т. 72, Литературное краеведение, 1968, стр. 52—53.

²⁴ См. об этом: С. Г. Лазутин. Русская частушка. Вопросы происхождения и формирования жанра. Воронеж, 1960, стр. 219—248.